

DOI: 10.31857/S0130386425010095

© 2025 г. **Б.М. ГОРЕЛИК**

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА БУРСКИХ РЕСПУБЛИК ВО ВРЕМЯ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ 1899–1902 годов. ФАКТОРЫ РИСКА ДЛЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Горелик Борис Моисеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Африки южнее Сахары Института Африки РАН (Москва, Россия).

E-mail: boris.gorelik@inafr.ru

ORCID: 0000-0001-8839-3889; Researcher ID: AAG-2065-2020

Аннотация. Во время Англо-бурской войны 1899–1902 гг. в России развернулась общественная кампания в поддержку независимости республик на юге Африки, противостоявших Британской империи. В историографии ее связывают преимущественно с консервативными изданиями и деятелями, поскольку наибольшую активность проявляла проправительственная пресса. Выдвигались предположения, что пробурское движение в Российской империи было инспирировано правительством, для отвлечения россиян от политико-экономических проблем на родине. Впрочем, документы российского МИД, а также материалы департамента полиции МВД свидетельствуют, что правительство наоборот ограничивало некоторые проявления симпатии к защитникам далеких республик. Сотрудникам этих министерств было известно, что внимание общества к Англо-бурской войне использовали в своих интересах не только умеренные монархисты, но и крайне правые, а также противники самодержавия и сторонники национальных движений. Настойчивые требования общественности вмешаться в южноафриканский конфликт дипломатическим или даже военным путем воспринимались правящими кругами как покушение на монополию государства в определении внешнеполитического курса. Судя по сохранившимся архивным документам и воспоминаниям современников, правительство стремилось предупредить и пресечь проведение «демонстраций», т.е. публичных политизированных акций солидарности с антиимпериалистической борьбой народов Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства.

Ключевые слова: Англо-бурская война 1899–1902, Южно-Африканская Республика, Россия, Великобритания, внешняя политика, пресса, общественные движения, общественное мнение.

В.М. Gorelik

Public Support for the Boer Republics During the Anglo-Boer War of 1899–1902. Risk Factors for the Russian Government

Boris Gorelik, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: boris.gorelik@inafr.ru

ORCID: 0000-0001-8839-3889; Researcher ID: AAG-2065-2020

Abstract. During the Second Boer War, the Russians initiated a concerted campaign in support of the independence of the two southern African republics, which were then engaged in a confrontation with the British Empire. In historiography, the campaign has been primarily

associated with conservative publications and personalities, given the prominent role played by the pro-government press in its conduct. Some scholars have posited that the pro-Boer movement in the Russian Empire was a deliberate ploy by the government to deflect attention from the country's intractable political and economic challenges. However, the documents emanating from the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, in conjunction with the materials produced by the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, indicate that the government exercised control over expressions of solidarity with the defenders of the two distant republics, utilising both the police and censorship. It was evident to officials that public interest in the Anglo-Boer War was being exploited not only by those of a moderate monarchist disposition, but also by those aligned with the extreme right, as well as by opponents of autocracy and supporters of national movements. The persistent demands by sections of the public for intervention in the South African conflict by diplomatic or even military means were interpreted by the ruling circles of the Russian Empire as an attack on the state's monopoly on determining foreign policy. In consideration of the surviving archival documents and memoirs of contemporaries, it can be discerned that the government sought to prevent and suppress what was deemed to be "demonstrations", that is, public politicised actions of solidarity with the anti-imperialist struggle of the peoples of the Transvaal and the Orange Free State.

Keywords: Second Boer War, South African Republic, Russia, Great Britain, foreign policy, the press, voluntary associations, public opinion.

Вторая англо-бурская война (1899–1902) стала наиболее разрушительным вооруженным конфликтом в истории Южной Африки последних полутора столетий. За ней наблюдали в разных частях мира, ожидая, что южноафриканские события будут иметь последствия и за пределами континента. Действительно, вооруженное противостояние Британской империи и Южно-Африканской Республики (Трансваала) и Оранжевого Свободного Государства ознаменовало начало кризиса британского империализма, а также помогло составить представление о новых способах ведения боевых действий, которые начали применять в XX в.¹

Благодаря телеграфным агентствам, быстро распространявшим сводки с южноафриканских фронтов на многие тысячи километров, война взволновала общественность в Европе и Северной Америке. На этих континентах было гораздо больше сторонников бурской независимости и немедленного прекращения войны, чем сочувствующих Великобритании². Начались массовые кампании в поддержку Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства.

Марксистский общественный деятель и литератор В.А. Поссе констатировал: «Общество и даже, пожалуй, народ во всех почти странах на стороне буров, сражающихся за свою независимость с наемниками шайки капиталистов, сумевших создать в Англии "общественное настроение", одобряющее эту поистине подлую войну»³.

Этот вооруженный конфликт привлек внимание и в странах, не владевших колониями в Африке. Там следили за событиями южноафриканской войны по причинам, часто не имевшим прямого отношения к будущему бурских республик. Успешное противодействие буров британским войскам вдохновляло Дж. Неру, будущего первого премьер-министра независимой Индии⁴. Китайские националисты усматривали сходство между «порабощением» китайского народа маньчжурской династией Цин и стремлением Британской империи

¹ Lowry D. "The Play of Forces World-wide in Their Scope and Revolutionary in Their Operation [J.A. Hobson]": The South African War as an International Event // South African Historical Journal. 1999. Vol. 41. № 1. P. 83.

² Подробнее о поддержке буров международной общественностью во время южноафриканской войны: Kröll U. Die Internationale Buren-Agitation 1899–1902. Münster, 1973.

³ Чужак [Поссе В.А.]. По поводу бойкота Англии (Письмо со стороны) // Свободное слово. 1901. № 1. Стб. 8.

⁴ Lowry D. "The World's no Bigger than a Kraal": The South African War and International Opinion in the First Age of "Globalization" // The Impact of the South African War / eds D. Omissi, A.S. Thompson. Basingstoke, 2002. P. 276.

подчинить себе бурские республики. Для них главным уроком Англо-бурской войны стало то, что граждане республик, обладая военными навыками, смогли долго сопротивляться противнику, превосходившему их в техническом, а затем и в численном отношении⁵.

В России также началась пробурская кампания. Именно тогда жители Российской империи разных сословий впервые стали внимательно следить за событиями в Южной Африке и обсуждать происходящее там. Газеты и журналы освещали ход боевых действий на юге Африки, осуждали действия британских войск, пытались оценить геополитическое значение этого конфликта⁶. За немедленное прекращение боевых действий высказывались видные литераторы и общественные деятели, а темы и образы далекой войны стали общеизвестными⁷.

Проправительственные издания активнее других участвовали в этой кампании. Их тон соответствовал настроениям и убеждениям читателей, которым были присущи, помимо прочего, консерватизм и англофобия. Пробурская кампания позволяла апеллировать к распространенным в российском обществе представлениям об извечной враждебности Великобритании и о моральном превосходстве традиционализма над модернизмом⁸.

В советской историографии высказывалось мнение, что пробурская кампания в российской прессе не только была выгодна правительству, но инспирировалась им⁹. Считалось, что правящие круги хотели переключить внимание соотечественников с системных политико-экономических проблем в России на сочувствие и помощь жителям далекого юга Африки¹⁰. Согласно этой интерпретации, «реакционная печать» выполняла политический заказ, отвлекая россиян от проблем на родине, чтобы сдерживать силы протеста. Тем не менее этот же тезис использовался для объяснения повышенного внимания правых националистических изданий к южноафриканской войне.

В постсоветский период исследователи отказались от утверждения, что симпатии в России к бурским республикам объяснялись прежде всего манипуляциями общественным мнением со стороны чиновников и консервативных изданий, выполнявших правительственные директивы. Проправительственная пресса не только формировала общественное мнение, но и ретранслировала настроения, бытовавшие в стране¹¹.

Кроме того, общественный интерес к южноафриканской войне использовали как умеренные, так и радикальные силы. Это было очевидно многим современникам, в том числе государственным деятелям. В письме заместителю министра иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу весной 1900 г. российский посол в Лондоне граф Е.Е. Стааль отмечал: «С самого начала ажиотажа вокруг буров меня поразило то, что это движение, почти революционный оттенок, который приобрело это движение. Оно, разумеется, прежде всего антианглийское, но этим оно не ограничивается»¹². Мы считаем, что власть даже сдерживала проявления симпатии к защитникам далеких республик, используя полицию и цензуру.

⁵ Karl R. Staging the World: Chinese Nationalism at the Turn of the Twentieth Century. Durham; London, 2002. P. 85–86, 89, 120–121, 132, 138–139.

⁶ Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 157, 199.

⁷ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town; Pretoria; Johannesburg, 1998. P. 177–178, 183–184.

⁸ Шаповалова Т.В. Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 83; Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 48–49.

⁹ Витухновский А.Л. Англо-бурская война в оценке русской периодической печати // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1962. Т. XI. Вып. 1. Исторические науки. С. 106–107, 110, 117; Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.) М., 1970. С. 156.

¹⁰ Витухновский А.Л. Указ. соч. С. 107–108, 117.

¹¹ Davidson A., Filatova I. Op. cit. P. 185, 189; Петухов Л.А. Указ. соч. С. 13, 41, 92.

¹² Е.Е. Стааль – В.Н. Ламздорфу, 1 марта 1900 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 310.

Вероятно, российское правительство находило опасными для себя некоторые аспекты пробурского движения. В чем же состояла опасность? Настоящая работа – попытка ответить на этот вопрос. Автор использовал переписку и служебные документы сотрудников министерства иностранных дел, мемуары трансваальского посланника в России, донесения европейских дипломатов из Петербурга, материалы департамента полиции МВД, а также публикации о южноафриканской войне в подцензурных и нелегальных периодических изданиях, распространявшихся на территории Российской империи в годы южноафриканской войны.

В российскую кампанию по поддержке воюющих буров были вовлечены тысячи людей. Неправительственные организации вели агитацию в пользу бурских республик в прессе, устраивали лекции, собирали средства в пользу жертв южноафриканской войны. Пожертвования направлялись в Российское общество Красного Креста и в Голландский комитет для оказания помощи раненым бурам, действовавший в Петербурге. Дополнительные сборы давали благотворительные концерты и продажа тематических литературно-художественных изданий. На эти деньги были снаряжены два русских санитарных отряда, которые работали на юге Африки в 1900 г. и оказали помощь тысячам пациентов¹³. Десятки российских добровольцев отправились в Южную Африку, чтобы воевать за буров или оказывать медицинскую помощь на фронте. Среди добровольцев был А.И. Гучков, будущий лидер партии октябристов и министр Временного правительства.

В Российской империи правительством поддерживалось консервативное направление политической мысли¹⁴. Неудивительно, что пробурская кампания до сих пор ассоциируется преимущественно с консерваторами, рассматривавшими южноафриканскую войну в контексте российско-британского соперничества¹⁵. Однако противники царизма тоже симпатизировали бурским республикам, сопротивлявшимся могущественной Британской империи. Об Англо-бурской войне можно было прочитать даже в социал-демократических, неонароднических и толстовских изданиях, распространявшихся в России нелегально¹⁶.

Консерваторам импонировала решительность защитников республик в противостоянии Британской империи, с которой, как ожидалось, России придется вступить в военное противоборство в Азии. «Прямые, религиозные фермеры, решившиеся своею кровью отстаивать свободу отечества, всегда будут ближе сердцу святой Руси, чем наш исконный враг – холодная эгоистическая Англия, – утверждалось в редакционной статье в «Новом времени», наиболее влиятельной проправительственной газете в России¹⁷. Для консерваторов борьба буров символизировала защиту традиционного уклада жизни от губительного влияния западного материализма.

Ведущие либеральные издания тоже высказывались в пользу буров и порицали инициаторов южноафриканской войны. «Наш журнал всегда относился с глубоким уважением к великим мировым учреждениям Великобритании и к просвещенному и мужественному английскому народу, – отмечалось в “Русской мысли”. – Но, разумеется, мы имели в виду Англию Гладстона и Морлея, а не Чемберлена и Родса»¹⁸. А представителям национальных

¹³ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 9. М., 2012. С. 6, 261–263.

¹⁴ Просул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013. С. 536.

¹⁵ Никитина И.А. Указ. соч. С. 156; Шаповалова Т.В. Указ. соч. С. 99–100; Давидсон А.Б., Филатова И.И. Указ. соч. С. 48–49.

¹⁶ Бирюков П. «Нашла коса на камень» // Свободная мысль. 1899. № 5. С. 2; В.П. [Поссе В.] Иностранное обозрение // Жизнь. 1902. № 3. С. 249–251; Международное социалистическое бюро. Первое мая // Революционная Россия. 1902. № 6. С. 2.

¹⁷ О независимости Трансвааля // Новое время. 6(28).X.1899. С. 2. Подробнее об освещении южноафриканских событий в этой газете: Рыбаченок И.С. «Новое время» об англо-бурской войне 1899–1902 годов: вербальное и визуальное // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 80–93.

¹⁸ Гольцев В.А. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1900. № 3. С. 270.

движений в Российской империи буры виделись непримиримыми защитниками своей самобытности против инокультурной гегемонии¹⁹.

Народники рассматривали британскую агрессию как яркий пример насаждения капиталистических форм производства, которое, по их мнению, наблюдалось и в России²⁰. Марксисты видели в бунтах борцов против империализма. В 1901 г. Л.Д. Троцкий упоминал в ряду самых трагических явлений нового XX в. «агонию маленького народа, добываемого колоссом» в Южной Африке²¹.

Отсутствие у России существенных политико-экономических интересов на юге Африки давало ей возможность действовать решительнее, чем другим державам, чтобы побудить Великобританию к окончанию кровопролития. Тем более что гуманитарное направление российской внешней политики было задано инициативой царя по созыву мирной конференции в Гааге. Война на юге Африки разразилась всего через несколько месяцев после завершения этого международного форума. Николай II после Гаагской конференции воспринимался международной общественностью как монарх-миротворец, и Россия, материально не заинтересованная в южноафриканских делах, могла участвовать в урегулировании англо-бурского противостояния по морально-этическим причинам.

Российское общественное мнение требовало вмешательства в южноафриканский конфликт, но правительство последовательно избегало действий, которые могли бы вызвать недовольство в Лондоне. По поручению императора МИД с первых месяцев войны несколько раз пробовал организовать совместный демарш великих держав для примирения противников в Южной Африке²². Попытки эти оказались неудачными. Кроме этих предварительных обсуждений по дипломатическим каналам, Россия почти ничего не сделала для установления мира в Южной Африке²³.

Правительство не видело смысла в конфронтации с Великобританией из-за буров. Оно не желало открыто выступить в защиту независимости бурских республик, не говоря о более радикальных мерах, по внутривнутриполитическим и экономическим причинам. Россия, по мнению правительства, не могла позволить себе осложнять отношения с Великобританией: надвигался промышленный кризис, усиливалось забастовочное движение, участились антиправительственные выступления студентов. Несколько неурожайных лет в Центральной России привели к голоду, который продолжался все годы Англо-бурской войны. Ради восстановления экономики министр финансов С.Ю. Витте призывал к сокращению военных расходов и политическому сближению с Великобританией, которое могло бы обеспечить займы, инвестиции, а также возможности для российского экспорта²⁴.

В отношении бурских республик российское правительство, так же как правительства других великих держав, руководствовалось требованиями реальной политики. В то же время министерство иностранных дел получало многочисленные обращения от отдельных лиц, групп и комитетов с просьбой позаботиться о престиже России, преодолеть робость перед британским могуществом и энергично защищать независимость буров. Авторы писем и петиций предлагали министру иностранных дел авантюристические проекты воздействия на Британскую империю: от демонстрации флага русскими крейсерами в южноафриканских портах до военного реванша в Азии²⁵.

¹⁹ Подробнее об этом: *Горелик Б.М.* Дискуссии вокруг англо-бурской войны в национальных движениях Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 127–138.

²⁰ *С. Ст.* [Рапорт С.И.] Симпатии к бурам // Неделя. 1899. № 41. С. 1339–1340.

²¹ *Троцкий Л.* О пессимизме, оптимизме, XX столетии и многом другом (1901) // Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. М.; Л., 1926. С. 78.

²² *Spring D.* Russian Foreign Policy and the Boer War // The International Impact of the Boer War / ed. K. Wilson. Abingdon; Oxford; New York, 2014. P. 47–58.

²³ *Рыбаченок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв. М., 2012. С. 324–343.

²⁴ *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. С. 545.

²⁵ *Шаповалова Т.В.* Указ. соч. С. 95–96.

С начала 1900 г. в прессе и петициях в МИД требования вмешательства в англо-бурский конфликт становились все настойчивее. Многие российские поборники независимости бурских республик надеялись, что их государство теперь расширит сферу своего влияния в мире. Издания, отражавшие взгляды националистических кругов российского общества, настаивали на необходимости воспользоваться тем, что внимание британского правительства приковано к затянувшейся войне на юге Африки. По их мнению, следовало активнее проводить российскую политико-экономическую экспансию на Среднем и Дальнем Востоке²⁶.

В проправительственной и ультранационалистической прессе появлялись призывы не только к дипломатическим, но и военным демаршам — если не в Южной Африке, то ближе к российским границам. Всерьез обсуждались идеи военных операций в Средней Азии в направлении британских владений. В «Московских ведомостях» П.Н. Симанский, будущий генерал-лейтенант, ставил вопрос прямо: «Если Англия на мировой сцене уже давно стала нашим постоянным самым злым врагом; если борьба с нею рано или поздно неизбежна... то не сделаем ли мы нового крупного промаха, только платонически отнесясь к делу буров, по-видимому, так доблестно восстающих на защиту отнимаемых от них прав и святости родного очага?»²⁷

Сочувствие бурам и критика бездействия власти приобретали политическую окраску. Опасность общественного раздражения была очевидна не только российским чиновникам, но и иностранным наблюдателям. О том, что симпатии к бурам постоянно используются «для нападков на правительство», докладывали в Вену сотрудники австрийского посольства в Петербурге²⁸.

К весне 1900 г. правительство вынуждено было отметить резкую общественную критику действий Британской империи на юге Африки и обвинения в адрес российского внешнеполитического ведомства. Посол в Петербурге Г. фон Радолин 11 марта 1900 г. доносил канцлеру Германии Х. Гогенлоэ, что упреки в недостаточной поддержке бурских республик насторожили российского министра иностранных дел: «Граф Муравьев, который всегда утверждал, что в России нет общественного мнения и что пресса не имеет ни влияния, ни значения, на этот раз как будто встревожился, и обвинения, выдвинутые против него многими влиятельными людьми, несомненно, произвели впечатление на министра»²⁹.

Выражение негодования со стороны правых официальной позицией России по отношению к англо-бурскому конфликту стало принимать радикальные формы. В доверительном письме Ламздорф сообщал Стаалю о получении писем с угрозами из разных городов Российской империи. По его мнению, правительству следовало обеспокоиться общественным недовольством: «Мне даже кажется, что существует тенденция играть на [сочувствии] героическим и несчастным бурам, как это раньше было в отношении братьев-славян, для безнаказанных нападков на “слабость” и “неумелость” правительства. Однако не следует совершенно терять из виду эту агитацию, которая принимает необычайные размеры, чем больше длится африканская война, и которая может слишком усилиться, если, не дай Бог, южноафриканские республики потерпят более или менее решительные поражения»³⁰.

Сохранилось несколько анонимных писем в МИД, о которых сообщал Ламздорф. Они начинались с почтительного обращения к министру, но затем авторы прибегали к резким выражениям и даже угрозам адресату. В послании, подписанном «Общественное народное мнение», утверждается, что все русские возмущены безучастностью своего правительства к борьбе «трудолюбивого бура» против «надменно-гордого бритта». Теперь появился шанс

²⁶ Вутухновский А.Л. Указ. соч. С. 97–103.

²⁷ ГЕФ [Симанский П.Н.] Южноафриканская война. Политическая подготовка к войне // Московские ведомости. 23.IX.1899. С. 2.

²⁸ Bridge F.R. Austria-Hungary and the Boer War // The International Impact of the Boer War. P. 85.

²⁹ Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914 / eds J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme. Vol. 15. Berlin, 1924. S. 528.

³⁰ В.Н. Ламздорф — Е.Е. Стаалю, 24 февраля 1900 г. // АВПРИ. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 133.

отомстить Англии, «злейшему врагу» России, и, начав наступление в Южной Азии, вынудить британцев вывести часть войск из Южной Африки. Но правительство, по мнению авторов письма, отказывается использовать эту возможность: «Если Вы не примете меры то народное волнение и недовольство заставят Вас считаться за все промахи и если вы этот удобно наступивший момент пропустите, то тогда мы с Вами поговорим и докажем свою патриотическую преданность и увидимся в Петербурге а может быть и у праотцов, или вы лучше пока целы уйдите по чести если не министр иностранных дел и древо не приносящее плода посекается» (сохранены авторские орфография и пунктуация)³¹.

Авторы другого обращения, поступившего из Москвы в 1901 г., напоминали министру о недавних терактах: «Если Вы хоть ни капельки не сочувствуете бурам и не примете мер к защите угнетенных, то смотрите, мы и до Вас доберемся, все равно нам каторга, а Вас на тот свет отправим. Вам это покажется смешным, но ничего нет смешного. Помните, еще в этом году к праотцам отправляли королей, цариц и пр. Так и для Вас найдется [место] на том свете»³².

Министр переправил это письмо в департамент полиции. Глава российской дипломатии серьезно воспринял угрозы анонимных авторов, ведь с начала 1880-х годов экстремисты убили русского царя Александра II, двух премьер-министров Испании, французского президента, а также императрицу Австрии. В 1900 г. погиб от пули анархиста король Италии Умберто I и едва не лишился жизни наследник британского престола, будущий король Эдуард VII. Угрожавшие российскому министру выдвигали требования, характерные для правых: взять буров под защиту правительства и решительно противостоять Великобритании, вплоть до вооруженного столкновения с ней. Но для осуществления своей угрозы они обещали использовать методы левых радикалов: анархистов и народовольцев.

О том, что восхищение бурским сопротивлением могло быть использовано не только приверженцами традиционализма, но и антиавторитарными политическими силами, догадывались правящие круги в разных странах Европы. Например, заместитель министра иностранных дел Австро-Венгрии считал, что местная пробурская кампания имеет «подрывной, антимонархический» потенциал³³.

Протестные возможности пробурского движения были очевидны и в России. Обращаясь в министерство иностранных дел, в том числе анонимно, некоторые сторонники активного противодействия Великобритании указывали, что российское правительство, сохраняя нейтралитет в южноафриканском вопросе, проявляло слабость и дискредитировало себя перед обществом, что было выгодно левым радикалам³⁴. Как писал министру иностранных дел житель Ялты, государственная помощь бурам помогла бы положить конец «эгоистическим тенденциям правительства» и, успокоив недовольных, предотвратить смену политического режима в России³⁵.

В те годы обострение социальных противоречий и экономических проблем способствовало быстрой политизации общества. Уровень жизни российских подданных заметно снижался из-за безработицы, сокращения производства в некоторых отраслях промышленности, а также дефицита продовольствия вследствие неурожаев. Недовольство вызывали и крайняя ограниченность возможностей по защите интересов работников в трудовых отношениях, а также политическое бесправие большинства жителей страны. Несколько губерний было охвачено крестьянскими волнениями. В 1901–1902 гг. бастовало более 120 тыс.

³¹ Письмо «Общественного народного мнения» министру иностранных дел, [1900 г.] // Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 231–231 об.

³² Анонимное письмо министру иностранных дел, [1901 г.] // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 99. Д. 15. Л. 14 об.

³³ *Bridge F.R.* Op. cit. P. 85.

³⁴ *Шаповалова Т.В.* Указ. соч. С. 95.

³⁵ Письмо «Противника анархии и сторонника государственной идеи» министру иностранных дел, 8 октября 1900 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2122. Л. 84.

рабочих ежегодно, причем более 20% стачек проходило под политическими лозунгами³⁶. Все привлекательнее для российского пролетариата становились социалистические идеи.

Кроме того, на рубеже XIX–XX вв. русификаторские тенденции в российской внутренней политике способствовали возникновению очагов этноконфессиональной напряженности на окраинах империи. В правительстве замечали определенное сходство между сопротивлением буров британскому империализму и стремлением некоторых народов Российской империи к самоопределению. В 1900 г. директор Первого департамента МИД А.К. Базили отмечал: «Не будем забывать о положении поляков, финнов, всех наших мусульман, а также Бухары, которое в политическом отношении отчасти напоминает Трансвааль»³⁷.

Англо-бурская война горячо обсуждалась в среде интеллигенции, в объединениях и периодических изданиях, связанных с национальными движениями народов Польши, Финляндии, Эстонии, Кавказа³⁸. В контексте южноафриканского опыта осмыслялось стремление народов Российской империи к самоопределению, в том числе даже возможность международного арбитража и целесообразность вооруженной борьбы. Пример буров убеждал участников национальных движений, что ополченцы-аграрии могут успешно сопротивляться регулярной армии, причем эту борьбу поддерживает мировая общественность.

Южноафриканский конфликт мог напомнить читателям пробурских изданий в России крестьянскую войну. Сообщалось, что ополченцы-аграрии, «бедный, земледельческий народ», успешно сопротивлялись вражеской регулярной армии, отстаивая свои права³⁹. В 1900 г. авторы анонимного коллективного письма министру иностранных дел в Петербурге требовали защитить «бедных землепашцев», «маленьких трудящихся людей» в Южной Африке⁴⁰. Обращаясь к широкой читательской аудитории (именно на нее было рассчитано большинство изданий об Англо-бурской войне), российские консерваторы признавали, что буры предпочитают республиканский строй и готовы защищать его в вооруженном противостоянии с империей. Бурский народ «живет милостью Божию, управляемый своим народным собранием и президентом, таким же простым человеком, как и все они»⁴¹. Получалось, что «мужики» могут управлять страной самостоятельно.

Н.И. Бухарин попытался объяснить, почему преобладавшее представление о сходстве между бурскими аграриями и преимущественно крестьянским населением Российской империи представляло опасность для царизма: «Голос народа расценивал буров как своих, мужиков, мелкий люд, который победоносно отражает прекрасно вооруженные войска могущественных богачей. Когда мастеровые, фабричные, мужички рассматривали картинки из Англо-бурской войны, они видели бурских генералов, одетых в простые куртки, с широкими шляпами на головах, в высоких простых сапогах, с ружьями на ремешке. Этот штатский вид защитников Трансвааля уже сам по себе внушал такие мысли. И зернышки смутных надежд и стремлений народной массы, дремавшие еще очень глубоко в неосознанном и подспудном, прорастали побегами горячей симпатии к славным подвигам бурских отрядов»⁴².

Либералы и социалисты не спешили участвовать в массовой пробурской кампании, в которой ведущую роль играла консервативная буржуазия. Их настораживал ее эмоциональный накал. В ажиотаже вокруг южноафриканской войны противники самодержавия

³⁶ Корелин А.П., Тютюкин С.В. Революционная ситуация начала XX в. в России // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 9–10, 17–18, 21.

³⁷ А.К. Базили – Е.Е. Стаалю, 9 марта 1900 г. // АВПРИ. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 335.

³⁸ См., например: Мессарош П.И. Финляндия и Трансвааль // Московские ведомости. 2.XI.1899. С. 2; Корзун В. Коста Хетагуров. Очерк жизни и творчества. М., 1957. С. 124; Szlanta P. Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902) // Przegląd Historyczny. 2000. Vol. 91. № 4. S. 535–550.

³⁹ Леваишов П. Крестьянское государство // Входы. 1900. № 1. С. 57–58.

⁴⁰ Анонимное письмо министру иностранных дел Российской империи, без даты // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 228–229 об.

⁴¹ Буры и англичане. СПб., 1900. С. 6–7.

⁴² Бухарин Н. Времена. М., 1994. С. 185.

замечали признаки шовинизма и милитаризма, а также опасались, что преобладавшие в России симпатии к бурям подтолкнул правительство к военно-политическим авантюрам. Они воспринимали массовую кампанию в защиту бурских республик как отвлечение сил и внимания от «более близких, родных и вопиющих нужд»⁴³.

В то же время стремление южноафриканцев отстоять свою независимость соответствовало декларациям международного социалистического движения и находило понимание у русских марксистов. Еще до Англо-бурской войны II Интернационал заявил о безусловном праве народов мира на самоопределение и сопротивление колониальным захватам⁴⁴. Странясь массового пробурского движения, российские марксистские организации с готовностью присоединились к международной социалистической кампании, которую вел в годы южноафриканской войны II Интернационал. Кампания эта была не пробурской, а антиимпериалистической. Ее участники протестовали в том числе против британской вооруженной экспансии на юге Африки и жестокого обращения с военнопленными и гражданским населением бурских республик⁴⁵.

В русской социал-демократической литературе даже проводились аналогии между бурами и российским пролетариатом. Например, в листовке Харьковского комитета РСДРП по поводу сурового приговора участникам первомайской демонстрации в этом городе в 1900 г. говорилось, что царское правительство, действуя в интересах капиталистов, обращается с протестующими рабочими «не лучше, чем английские генералы с бурами»⁴⁶.

В начале 1900 г. российское правительство пришло к выводу, что пробурская кампания может представлять угрозу его монополии на выработку государственного внешнеполитического курса и обладает протестным потенциалом. Поэтому оно стало целенаправленно ограничивать нежелательные для себя проявления общественной поддержки бурских республик.

В марте 1900 г. глава британской дипломатической миссии в Петербурге Ч.С. Скотт сообщил своему правительству, что сотрудники российского внешнеполитического ведомства просили его игнорировать недружественные высказывания публицистов. Дипломаты уверяли британского коллегу, что решающее значение в России имеет не общественное мнение, а слово императора, не разделявшего англофобские настроения. Муравьев признался послу, что правительство осознало опасность пробурских публикаций и приняло меры, чтобы пресса воздерживалась от резкой критики британской политики в Южной Африке⁴⁷.

По просьбе Муравьева петербургский градоначальник запретил пантомиму «Южноафриканская война». Представление, которое посетили даже царь и его семья, с большим успехом шло в цирке Чинизелли в начале 1900 г. Но пробурская постановка возмутила британского посла. Он пожаловался российскому министру иностранных дел на то, что в сценах побед республиканских отрядов демонстрировался британский флаг⁴⁸.

В царской России при отсутствии народного представительства в законодательной власти, свободы печати и собраний властям было проще пресекать нежелательные для них проявления общественного мнения, чем в странах с более демократичными формами правления. В Западной Европе шли митинги и уличные демонстрации в поддержку буров, а в России они не допускались как рискованный с политической точки зрения способ

⁴³ Селиванов Н.А. Петербургские письма // Курьер. 6.XI.1899. С. 3. См. также: В.П. [Поссе В.] Указ. соч. С. 249–250; Переписка М. Горького: в 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 153; Бухарин Н. Указ. соч. С. 184.

⁴⁴ Fisch J. A History of the Self-Determination of Peoples: The Domestication of an Illusion. New York, 2015. P. 261.

⁴⁵ Kaarsholm P. The South African War and the Response of the International Socialist Community to Imperialism between 1896 and 1908 // Internationalism in the Labour Movement 1830–1940 / eds F. Van Holthoorn, M. Van der Linden. Leiden; New York; København; Köln, 1988. P. 49.

⁴⁶ Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896–1904. Киев, 1963. С. 99–100.

⁴⁷ Донесение Ч.С. Скотта маркизу Солсбери, 22 марта 1900 г. // The National Archives, Kew, Reference: FO 881/7634. P. 38.

⁴⁸ Приложение к письму А.К. Базили Е.Е. Стаалю, 9 марта 1900 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 2121. Л. 151; В.Н. Ламздорф – Е.Е. Стаалю, 9 марта 1900 г. // Там же. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 33.

выражения общественного мнения. Власти предотвращали и прямое обращение бурских государственных деятелей к русским подданным. В проекте газетной статьи о нежелательности приезда в Петербург президента сражающегося Трансвааля, подготовленной российским МИД в конце 1900 г., отмечалось: «Непосредственное воздействие на общественные сферы может до известной степени иметь значение в других государствах, но немислимо и недопустимо в России, где, благодаря Бога, все исходит исключительно от державной воли Государя Императора и ею одной создается и направляется ко благу народов»⁴⁹.

В марте 1900 г. бурские республики направили в Европу депутацию, чтобы убедить великие державы помочь разрешению южноафриканского конфликта. Она состояла из видных политических деятелей Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства. Сопровождал делегатов в Европе В.Й. Лейдс, трансваальский посланник, аккредитованный в европейских столицах, в том числе в Петербурге. Пытаясь добиться, чтобы великие державы совместно предложили посредничество воюющим сторонам, депутация посетила Нидерланды, Францию, Германию, США. Визиты делегатов широко освещались в этих странах и придали стимул пробурской кампании, хотя и не повлияли на правительства, стремящиеся избежать недовольства Великобританией.

В Россию депутация прибыла в августе. В Петербурге с ними встречались руководители местного комитета для оказания помощи раненым бурам, высокопоставленные чиновники и представители высшего света⁵⁰. Но Ламздорф, ставший к тому времени министром иностранных дел, считал неуместными и преждевременными инициативы посредничества для прекращения южноафриканского конфликта⁵¹. По его мнению, следовало ждать, пока Великобритания изъявит желание провести переговоры с международным участием. Ламздорфу удалось убедить в этом Николая II. Хотя посланник Лейдс удостоился аудиенции, император отказался принять бурских делегатов.

В записке, подготовленной МИД для служебного пользования после обсуждения Николаем II и Ламздорфом приезда депутации, указывалось: «Следует не допускать никаких демонстраций, которые были бы весьма несвоевременны»⁵². Правительство постаралось лишить представителей бурских республик возможности обратиться к общественности. В день их приезда Главное управление по делам печати МВД направило конфиденциальные циркуляры губернаторам, а также цензурным комитетам и отдельным цензорам по внутренней цензуре о безусловном запрещении публикаций «о прибытии в Россию бурских делегатов, о встречах их, о пребывании в России и т.п.»⁵³ На вокзале и у гостиницы полиция сдерживала толпу встречающих, не позволяя приблизиться к делегатам⁵⁴. Полицейские запрещали публике даже кричать «ура» и вскоре приказали разойтись.

Делегаты посетили Москву, но власти приняли аналогичные меры. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин заранее обратился к московскому генерал-губернатору с просьбой, «чтобы никаких встреч и демонстраций не было допусаемо»⁵⁵. И после отъезда буров обратно в Петербург московский обер-полицмейстер доложил в департамент полиции, что

⁴⁹ Проект неофициальной газетной статьи, приложенный к всеподданнейшей записке В.Н. Ламздорфа, 23 декабря 1900 г. // Там же. Ф. 350. Оп. 910. Д. 183. Л. 120.

⁵⁰ *Leyds W.J. Derde verzameling (Correspondentie 1900). Deel 1. Dordrecht, 1931. P. 264–265; Van Hoek K. Kruger Days: Reminiscences of Dr W.J. Leyds. London, 1939. P. 31.*

⁵¹ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа, 4 августа 1900 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1900 г. Д. 37. Л. 90–91.

⁵² Записка без даты и подписи. Август 1900 г. // Там же. Д. 103. Ч. 2. Л. 34.

⁵³ Циркуляры Главного управления по делам печати МВД губернаторам, цензурным комитетам и отдельным цензорам по внутренней цензуре, 2 августа 1900 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 34. Д. 17. Л. 240–241.

⁵⁴ *Van Niekerk L.E. Kruger se Regterhand: 'n Biografie van Dr W.J. Leyds. Pretoria, 1985. P. 293.*

⁵⁵ Записка управляющего министерством внутренних дел, 2 августа 1899 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 981. Л. 2; Телеграмма управляющего министерством внутренних дел московскому генерал-губернатору, 4 августа 1900 г. // Там же. Л. 3.

«никаких чествований и оваций в отношении их не происходило»⁵⁶. Депутация постоянно находилась под надзором охранного отделения. Его сотрудники перехватили письмо Лейдса к проправительственному «Союзу русских рабочих» и его председателю С.Д. Зенченко с благодарностью за приветствия бурским делегатам⁵⁷.

После нескольких дней в России Лейдс писал жене, что властям почти удалось изолировать депутацию от общественности: «Очевидно, по воле правительства народ должен оставаться в полном неведении о наших передвижениях и планах во избежание демонстраций»⁵⁸.

По-видимому, общественность, в том числе лояльная правительству, была недовольна запретом на освещение пребывания бурской депутации в России. Представители российской прессы собирались даже направить коллективную жалобу императору через канцелярию по принятию прошений⁵⁹. По поводу запрета публиковать статьи о визите делегатов бурских республик редактор проправительственного «Нового времени» А.С. Суворин заметил в дневнике: «Этакое свинство, прости Господи. Перед кем они, эти дипломаты и правители, унижают нас и Россию. Не мы холопы, а правительство холопые и глупое, которое само ничего не умеет сделать путного»⁶⁰.

В губерниях Царства Польского сочувствие защитникам бурских республик стало завуалированным способом выражения недовольства политикой Российской империи в отношении поляков⁶¹. В 1900 г. Варшавский цензурный комитет уведомлял Главное управление по делам печати – высшую цензурную инстанцию в Российской империи, что польская пресса «старалась при всяком удобном случае подчеркнуть то обстоятельство, что поляки и буры, так сказать, друзья и что симпатии поляков к бурам зиждутся на иных основаниях, нежели симпатии других, пользующихся независимостью народов»⁶².

Эта опосредованная пропаганда самоопределения в Царстве Польском беспокоила власти. Когда в ноябре 1900 г. польские газеты опубликовали письмо международного комитета по организации торжественного приема президента П. Крюгера в Европе с призывом приветствовать главу бурской республики и его сограждан, цензоры усмотрели в этом опасный прецедент. По мнению начальника Главного управления по делам печати, участие поляков в чествовании трансваальского президента и особенно выражение сочувствия к борьбе южноафриканцев за независимость могли приобрести «характер политической демонстрации», что было недопустимо. Директор Второго департамента МИД согласился, что «организация специально польской прессой чествования президента буров на почве общности политических стремлений обеих национальностей, без сомнений, явится поводом к политическим демонстрациям и потому представляется совершенно нежелательной»⁶³.

Российское правительство было обеспокоено призывами со стороны общественности к дипломатическому, а тем более военному вмешательству в южноафриканский конфликт. Эти призывы были рискованны с внешнеполитической точки зрения. У британского правительства могло создаться впечатление, что российские власти, допуская такие проявления общественного мнения, косвенно поддерживали их.

⁵⁶ Рапорт московского обер-полицмейстера Департаменту полиции МВД, 15 августа 1900 г. // Там же. Л. 8.

⁵⁷ В.И. Лейдс – Союзу русских рабочих Санкт-Петербурга, 16 августа 1900 г. // Там же. Л. 15. О попытках С.Д. Зенченко противостоять влиянию социалистов на рабочих см.: Из нашей общественной жизни // Искра. 1901. № 6. С. 4.

⁵⁸ *Leyds W.J.* Op. cit. P. 271.

⁵⁹ *Die Burenmission in Petersburg* // *Breslauer Zeitung*. 3.VIII.1900.

⁶⁰ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; M., 2000. С. 395.

⁶¹ *Szlanta P.* Op. cit. S. 548; *Zajas P.* Polacy jako Burowie. Polacy jako Burowie. Imagologia pomiędzy auto- i heterostereotypem // *Wokół “W pustyni i w puszczy”*. W stulecie pierwodruku powieści / eds J. Axer, T. Wujnicki. Kraków, 2012. S. 29.

⁶² Н.В. Шаховской – Н.А. Малевскому-Малевичу, 15 ноября 1900 г. // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 929. Д. 10. Л. 77–77 об.

⁶³ Проект письма Н.А. Малевского-Малевича Н.В. Шаховскому, 25 ноября 1900 г. // Там же. Л. 86–87.

Некоторые аспекты пробурского движения были опасными и с внутривосточной точки зрения. Ультраправые доходили до прямых угроз, требуя от правительства использовать военную силу, чтобы отвлечь британские войска с южноафриканского театра военных действий и продолжить российскую экспансию в Азии. В то же время противники самодержавия использовали обсуждение южноафриканского вопроса для высказываний по поводу этнических, политических и социальных проблем в Российской империи. Ситуация в стремительно политизирующемся российском обществе и перспективы ее развития оценивались в том числе с учетом опыта южноафриканской войны.

Правительство старалось пресекать попытки как правых, так и левых радикалов, а также национальных движений воспользоваться пробурскими симпатиями российского общества. Наиболее опасными представлялись «демонстрации», т.е. явные проявления политизации общественной поддержки бурских республик. Можно согласиться с выводом, сделанным Лейдсом в 1900 г.: власти Российской империи не желали, «чтобы у народа укрепилось или возникло убеждение, что он обладает какой-то властью, что он может побудить правительство к каким-то действиям»⁶⁴.

Библиография

- Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 9. М., 2012.
- Бирюков П. «Нашла коса на камень» // Свободная мысль. 1899. № 5. С. 2
- Буры и англичане. СПб., 1900.
- Бухарин Н. Времена. М., 1994.
- В.П. [Поссе В.] Иностранное обозрение // Жизнь. 1902. № 3. С. 249–251.
- Витухновский А.Л. Англо-бурская война в оценке русской периодической печати // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1962. Т. XI. Вып. 1. Исторические науки. С. 96–121.
- Гольцев В.А. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1900. № 3. С. 270–276.
- Горелик Б.М. Дискуссии вокруг англо-бурской войны в национальных движениях Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 127–138.
- Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.
- Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 31–50.
- Дневник Алексея Сергеевича Суворина. London; М., 2000.
- Корелин А.П., Тотюкин С.В. Революционная ситуация начала XX в. в России // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 4–24.
- Корзун В. Коста Хетагуров. Очерк жизни и творчества. М., 1957.
- Левашов П. Крестьянское государство // Вехи. 1900. № 1. С. 57–58.
- Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896–1904. Киев, 1963.
- Международное социалистическое бюро. Первое мая // Революционная Россия. 1902. № 6. С. 2.
- Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.) М., 1970.
- Переписка М. Горького: в 2-х т. Т. 1. М., 1986.
- Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960.
- Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв. М., 2012.
- Рыбаченок И.С. «Новое время» об англо-бурской войне 1899–1902 годов: вербальное и визуальное // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 80–93.
- Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. М.; Л., 1926.
- Чужак [Поссе В.А.] По поводу бойкота Англии (Письмо со стороны) // Свободное слово. 1901. № 1. Стб. 8–9.
- Шапалова Т.В. Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
- Bridge F.R. Austria-Hungary and the Boer War // The International Impact of the Boer War / ed. K. Wilson. Abingdon, Oxford; New York, 2014. P. 79–96.
- Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town; Pretoria; Johannesburg, 1998.
- Fisch J. A History of the Self-Determination of Peoples: The Domestication of an Illusion. New York, 2015.

⁶⁴ Leyds W.J. Op. cit. P. 271.

Kaarsholm P. The South African War and the Response of the International Socialist Community to Imperialism between 1896 and 1908 // Internationalism in the Labour Movement 1830–1940 / eds F. Van Holthoorn, M. Van der Linden. Leiden; New York; København; Köln, 1988. P. 42–67.

Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914 / eds J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme. Vol. 15. Berlin, 1924.

Karl R. Staging the World: Chinese Nationalism at the Turn of the Twentieth Century. Durham; London, 2002.

Kröll U. Die Internationale Buren-Agitation 1899–1902. Münster, 1973.

Leyds W.J. Derde verzameling (Correspondentie 1900). Deel 1. Dordrecht, 1931.

Lowry D. “The Play of Forces World-wide in Their Scope and Revolutionary in Their Operation [J.A. Hobson]”: The South African War as an International Event // South African Historical Journal. 1999. Vol. 41. № 1. P. 83–105.

Lowry D. “The World’s no Bigger than a Kraal”: The South African War and International Opinion in the First Age of “Globalization” // The Impact of the South African War / eds D. Omissi, A.S. Thompson. Basingstoke, 2002. P. 268–288.

Spring D. Russian Foreign Policy and the Boer War // The International Impact of the Boer War / ed K. Wilson. Abingdon; Oxford; New York, 2014. P. 43–64.

Szłanta P. Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902) // Przegląd Historyczny. 2000. Vol. 91. № 4. S. 535–550.

Van Hoek K. Kruger Days: Reminiscences of Dr W.J. Leyds. London, 1939.

Van Niekerk L.E. Kruger se Regterhand: ‘n Biografie van Dr W.J. Leyds. Pretoria, 1985.

Zajas P. Polacy jako Burowie. Polacy jako Burowie. Imagologia pomiędzy auto- i heterostereotypem // Wokół “W pustyni i w puszczy”. W stulecie pierwodruku powieści / eds J. Axer, T. Bujnicki. Kraków, 2012. S. 29–52.

References

Anglo-burskaya voyna 1899–1902 godov glazami rossiyskikh poddannyykh [The Anglo-Boer of 1899–1902 through the Eyes of Russian Subjects]. Vol. 9. Moskva, 2012. (In Russ.)

Biryukov P. “Nashla kosa na kamen” [“They Have Hit a Brick Wall”] // Svobodnaya mysl’ [Free Thought]. 1899. № 5. S. 2. (In Russ.)

Bukharin N. Vremena. [The Times]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Bury i anglichane [The Boers and the English]. Sankt-Peterburg, 1900. (In Russ.)

Chuzhak [Posse V.A.]. Po povodu boykota Anglii (Pismo so storony) [On the Boycott of England (A Letter from an Outsider)] // Svobodnoye slovo [Free Speech]. 1901. № 1. Col. 8–9. (In Russ.)

Davidson A.B., Filatova I.I. Anglo-burskaya voyna i Rossiya [The Anglo-Boer War and Russia] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2000. № 1. S. 31–50. (In Russ.)

Dnevnik Alekseya Sergeevicha Suvorina [Alexey Sergeevich Suvorin’s Diary]. London; Moskva, 2000. (In Russ.)

Gfoltsev V.A. Inostrannoye Obozreniye [International Review] // Russkaya mysl’ [Russian Thought]. 1900. № 3. S. 270–276. (In Russ.)

Gorelik B.M. Diskussii vokrug anglo-burskoy voyny v natsionalnykh dvizheniyakh Rossiyskoy imperii [Debates on the South African War by National Movements in the Russian Empire] // Peterburgskii istoricheskii zhurnal [St. Petersburg Historical Journal]. 2024. № 3. S. 127–138. (In Russ.)

Grosul V.Ya. Obshchestvennoe mnenie v Rossii XIX veka [Public Opinion in the 19th-Century Russia]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Korelin A.P., Tyutyukin S.V. Revolyutsionnaya situatsiya nachala XX v. v Rossii [The Revolution Situation in Russia in the Early 20th Century] // Voprosy Istorii [Questions of History]. 1980. № 10. S. 4–24. (In Russ.)

Korzun V. Kosta Khetagurov. Ocherk zhizni i tvorchestva [Kosta Khetagurov. An Overview of His Life and Work]. Moskva, 1957. (In Russ.)

Levashov P. Krest’yanskoe gosudarstvo [The Peasant State] // Vskhody [Shoots]. 1900. № 1. S. 57–58. (In Russ.)

Listovki revolyutsionnykh sotsial-demokraticeskikh organizatsiy Ukrainy [Leaflets of Revolutionary Social-Democratic Organisations in the Ukraine]. 1896–1904. Kiev, 1963. (In Russ.)

Mezhdunarodnoe sotsialisticheskoe byuro. Pervoe maya [International Socialist Bureau. The First of May] // Revolyutsionnaya Rossiya [Revolutionary Russia]. 1902. № 6. S. 2. (In Russ.)

Nikitina I.A. Zakhvat burskikh respublik Anglii [England’s Capture of the Boer Republics] (1899–1902). Moskva, 1970. (In Russ.)

Perepiska M. Gor’kogo [M. Gorky’s Correspondence]: v 2-kh t. Vol. 1. Moskva, 1986. (In Russ.)

Petukhov L.A. *Obraz Velikobritanii v rossijskom obshchestvennom mnenii v period anglo-burskoy voyny* [The Image of Great Britain in the Russian Public Opinion during the Anglo-Boer War] (1899–1902): PhD thesis (History). Moskva, 2009. (In Russ.)

Rotshteyn F.A. *Mezhdunarodnye otnosheniya v kontse XIX veka* [International Relations in the Late 19th Century]. Moskva; Leningrad, 1960. (In Russ.)

Rybachenok I.S. “Novoye vremya” ob anglo-burskoy voynе 1899–1902 godov: verbalnoye i vizualnoye [“The New Time” about the Second Boer War (1899–1902): Verbal and Visual] // *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2015. № 2. S. 80–93. (In Russ.)

Rybachenok I.S. *Zakat velikoy derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [The Demise of a Great Power. Russia’s Foreign Policy in the Late 19th–Early 20th Centuries]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Shapovalova T.V. *Anglo-burskaya voyna 1899–1902 gg. i Rossiya* [The Anglo-Boer War of 1899–1902 and Russia]: PhD thesis (History). Moskva, 1995. (In Russ.)

Trotsky L. *Sochineniya* [Works]. Vol. 20. Moskva; Leningrad, 1926. (In Russ.)

V.P. [Posse V.] *Inostrannoe obozrenie* [International Review] // *Zhizn’* [Life]. 1902. № 3. S. 249–251. (In Russ.)

Vitukhnovskiy A.L. *Anglo-burskaya voyna v otsenke russkoy periodicheskoy pechati* [The Anglo-Boer War as Seen by the Russian Press] // *Ucheny’e zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 1962. Vol. XI. № 1. Istoricheskie nauki [History]. S. 96–121. (In Russ.)

Bridge F.R. *Austria-Hungary and the Boer War* // *The International Impact of the Boer War* / ed. K. Wilson. Abingdon; Oxford; New York, 2014. P. 79–96.

Davidson A., Filatova I. *The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902*. Cape Town; Pretoria; Johannesburg, 1998.

Fisch J. *A History of the Self-Determination of Peoples: The Domestication of an Illusion*. New York, 2015.

Kaarsholm P. *The South African War and the Response of the International Socialist Community to Imperialism between 1896 and 1908* // *Internationalism in the Labour Movement 1830–1940* / eds F. Van Holthoorn, M. Van der Linden. Leiden; New York; København; Köln, 1988. P. 42–67.

Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914 / eds J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme. Vol. 15. Berlin, 1924.

Karl R. *Staging the World: Chinese Nationalism at the Turn of the Twentieth Century*. Durham; London, 2002.

Kröll U. *Die Internationale Buren-Agitation 1899–1902*. Münster, 1973.

Leyds W.J. *Derde verzameling (Correspondentie 1900)*. Deel 1. Dordrecht, 1931.

Lowry D. “The Play of Forces World-wide in Their Scope and Revolutionary in Their Operation [J.A. Hobson]”: The South African War as an International Event // *South African Historical Journal*. 1999. Vol. 41. № 1. P. 83–105.

Lowry D. “The World’s no Bigger than a Kraal”: The South African War and International Opinion in the First Age of “Globalization” // *The Impact of the South African War* / eds D. Omissi, A.S. Thompson. Basingstoke, 2002. P. 268–288.

Spring D. *Russian Foreign Policy and the Boer War* // *The International Impact of the Boer War* / ed. K. Wilson. Abingdon; Oxford; New York, 2014. P. 43–64.

Szlanta P. *Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902)* // *Przegląd Historyczny*. 2000. Vol. 91. № 4. S. 535–550.

Van Hoek K. *Kruger Days: Reminiscences of Dr W.J. Leyds*. London, 1939.

Van Niekerk L.E. *Kruger se Regterhand: ‘n Biografie van Dr W.J. Leyds*. Pretoria, 1985.

Zajac P. *Polacy jako Burowie. Polacy jako Burowie. Imagologia pomiędzy auto- i heterostereotypem* // *Wokół “W pustyni i w puszczy”*. W stulecie pierwodruku powieści / eds J. Axer, T. Bujnicki. Kraków, 2012. S. 29–52.